

Альтернативная модель развития российской экономики в “Утопии” А.В. Чайнова

© 2009 В.Н. Ковнир

кандидат экономических наук

Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова

Концепция альтернативного социально-экономического развития России в XX в., разработанная А.В. Чайновым, рассматривается на примере анализа его художественного произведения “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”.

Ключевые слова: российская экономика, альтернативная модель развития, трудовое крестьянское хозяйство, “Утопия”.

Кризисные явления, периодически сотрясающие современные экономики и социальные структуры, всегда ставят вопрос о возможных или нереализованных альтернативах развития. Это вызывает интерес и внимание к тем идеям и формам социально-экономического проектирования, которые накоплены человечеством и, в частности, русской социальной мыслью.

Русский ученый-аграрник Александр Васильевич Чайнов (1888 - 1937), исходя из понимания той важнейшей роли, которую играет крестьянское сообщество как в успешном развитии экономики, так и в самобытном социально-культурном развитии России, целью своей научной и практической деятельности, прежде всего, ставил улучшение положения крестьянского трудового хозяйства. Чайнов и его сподвижники по русской организационно-производственной школе А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников и другие видели решение этой проблемы в интенсификации производства, основанной на использовании передовых технологий, развитии кооперации и общественной агрономии. В основе понимания Чайновым природы сельскохозяйственной деятельности лежала семейно-трудовая теория, основанная на доказательствах исключительной выживаемости и устойчивости крестьянского хозяйства.

Но Чайнов был не только выдающимся экономистом-аграрником и разработчиком теории трудового крестьянского хозяйства, а глубоким социальным мыслителем и талантливым писателем-беллетристом. Это позволило ему в свободной литературной форме изложить свои мысли о возможной альтернативной модели построения российского общества в художественном произведении “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”¹. Обычно “Утопию”

¹ Чайнов А.В. Избранные повести. М., 1989. С. 67-128 (далее - *Путешествие*).

Чайнова характеризуют как научно-фантастическое произведение, не придавая существенного значения ее футурологическим и политологическим аспектам в том смысле, как это понимается в настоящее время. Но во многом это классический образец такого рода литературных произведений, к тому же редких в русской социально-философской и экономической мысли, и данный замечательный памятник русской социально-экономической мысли достоин стоять в одном ряду с произведениями Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ф. Бэкона и изучаться в курсах истории экономической и социальной мысли.

В печати “Утопия” Чайнова вышла в 1920 г. под авторским псевдонимом *Ив. Кремнев* в Государственном книгоиздательстве с предисловием его директора В.В. Воровского. Была написана только первая часть повести: резкое неприятие книги властью помешало Чайнову продолжить работу. Однако позднее в методологическом исследовании “К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства”² (1924) Чайнов продолжил изучение возможных альтернатив экономического развития. Но этот своеобразный теоретический комментарий к футурологической повести тогда был опубликован на немецком языке и стал доступен русскому читателю только в наше время.

Сама повесть за редкими исключениями в виде кратких комментариев при ее издании в различных сборниках практически не проанализирована, а, например, в большой работе польского исследователя утопической литературы Е. Шацкого³ вообще не упоминается.

Теоретические истоки чайновской утопии. Знаковые имена, важные для формирования те-

² Чайнов А.В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Крестьянское хозяйство. М., 1989. С. 114-144.

³ Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер с пол. М., 1990.

оретического базиса концепции Чаянова, указываются им самим в начале повести. “*Старый Морис*” - Томас Мор (1478-1535), автор сочинения “Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия”, в котором он ввел в научный и политический оборот сам термин “*утопия*”. “*Добродетельный Томас*” - Томазо Кампанелла (1568 - 1639), автор не менее знаменитой утопии “Город Солнца”. *Эдвард Беллами* (1850 - 1898) - автор социально-утопического романа “Взгляд назад” (1886), который пользовался огромной популярностью у современников. Чаянов использует сюжетный ход этого произведения - главный герой книги Беллами засыпает в конце XIX в. и просыпается в 2000 г. *Роберт Блечфорд* (1851 - 1943) - автор книги “Добрая старая Англия” (1894), в которой особо подчеркиваются “ценности сельской местности”. Среди авторов утопических произведений Блечфорд был единственным современником Чаянова. В уважительном контексте упоминается и *Шарль Фурье* (1772 - 1827), портрет которого помещен в кабинете главного героя. Он разработал социальную концепцию экономики, в которой люди, объединенные в “земледельческо-промышленные ассоциации”, будут предпочитать городу пребывание в деревне. Этот аспект учения Фурье очень важен для Чаянова, поскольку отличает его от учения другого французского утописта, Сен-Симона, который представлял будущее общество как “индустриальную систему”, в которой будет доминировать крупное производство и промышленный класс (предприниматели, рабочие, ученые). И совсем не случайно Чаянов не поместил Сен-Симона в своеобразный литературный “Пантеон” утопистов. А первое имя, которое вообще упоминается на страницах чаяновской “Утопии”, - *В.В. Берви-Флеровский* (1829 - 1918), народник, известный в свое время публицист, экономист и социолог. Его “Азбука социальных наук” (1871) была настольной книгой молодежи, стремившейся к новому обществу. Несомненно, повлияло на Чаянова, хотя и не названное прямо, “Государство” *Платона* - первый из известных утопических философско-политологических текстов, что особенно заметно в диалоговом построении повести.

Сюжетная структура и образ будущего. Действие в повести начинается в 1921 г., а фабула строится на том, что главный герой повести А.В. Кремнев неожиданно попадает в будущее (1984), читая следующий отрывок из писем “С того берега” А. Герцена: “Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титаничес-

кой груди революционного меньшинства крик отрицания и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией”⁴. Но и для нашего современника 1984 г. - знаковая дата, осененная одной из самых знаменитых “антиутопий” XX в. - “1984” Дж. Оруэлла⁵.

Действие развивается как знакомство пришельца из прошлого с реалиями России будущего, созданного “грядущей революцией”. В самом начале повести автором делается вполне “фантастическое предположение”, что к 1921 г. социализм побеждает во всемирном масштабе, сам герой повести является членом Мирового экономического руководства - Мирсовнархоза. Но неожиданно для него в 1984 г. *государственное устройство* России предстает *системой, основанной на приоритетах крестьянского сообщества*.

Действующий политический режим является властью *крестьянских советов*, что в некоторой степени связано с наследием социалистического периода истории, но важным элементом нового государственного строя, который принципиально отличается от коммунистической диктатуры, является *идея непосредственной ответственности органов власти перед обществом и учреждениями, которые они обслуживают*. За центральной властью остаются только суд, государственный контроль, некоторые учреждения и пути сообщения. Государство считается устаревшей формой управления, а 9/10 всей работы производится общественными силами, которые, в первую очередь, характерны для крестьянского государства. “Различные общества, кооперативы, съезды, лиги, газеты, другие органы общественного мнения, академии и, наконец, клубы”⁶, - вот та социальная ткань, из которой слагается жизнь народа.

Одной из главных общественных задач новой России стало создание таких форм социального бытия, при которых *при сохранении сельского расселения сохранились и высшие формы культурной жизни и прогресса во всех областях духовной жизни, по крайней мере, не уступающие никакому другому государству*. Важнейшей характеристикой жизни в чаяновской “Утопии” является “...углубление содержания человеческой жизни, интегральная человеческая личность, все остальное является средством”⁷.

⁴ *Искандер*. С того берега. - *Герцен А.И.* С того берега. Эпизод 1849 // Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 89.

⁵ Вспомним также знаменитое историко-социологическое исследование советского диссидента и правозащитника А.А. Амальрика (1936 - 1980) “Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года?” (1969). Ошибся Амальрик всего лишь на 7(!) лет.

⁶ *Чаянов А.В.* Путешествие. С. 114.

⁷ Там же. С. 111 - 112.

Государство практически разгружено от всех социальных и экономических функций, и рядовой обыватель с ним почти не соприкасается. При таком способе управления в России 1984 г. обеспечена гибкость законодательного аппарата, который охотно допускает местные варианты управления: в Якутии - парламент; в Угличе - монархические предпочтения (выбран “удельный князь” с ограниченной властью под контролем местного управления); на Монголо-Алтайской территории единолично правит “генерал-губернатор” центральной власти.

Крестьянская революция в “Утопии” Чайнова должна произойти в 1930 г. (это, действительно, Год великого перелома реальной истории), за ней последует несколько волн вооруженных противостояний, после чего в 1930-е гг. складывается новая русская жизнь, основанная на индивидуальном крестьянском хозяйстве. Героями, живущими в 1984 г., такая экономическая организация рассматривается как совершеннейший тип хозяйственной деятельности: “В нем человек не противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник - творец, каждое проявление его индивидуальности - искусство труда ... сельская жизнь и труд наиболее здоровы, жизнь земледельца наиболее разнообразна...”⁸, - вот убеждение героев повести, да и самого автора. Но из этого естественного состояния человек был выведен демоном капитализма⁹.

Экономическая система. Чайнов прекрасно понимает, что сообществу, выбравшему путь развития на основе приоритета крестьянского хозяйства, необходимо создать экономику, которая по эффективности не уступала бы никакой другой технически оснащенной экономике и функционировала бы без неэкономического государственного принуждения. Чайнов видит решение этих проблем в развитии кооперации: в его утопии в XX в. *крестьянство коллективизировало и создало крупные кооперативные предприятия в тех отраслях производства, где крупная форма хозяйства имела преимущества над мелкой, что и стало опорой экономики.* Крестьянская кооперация заняла ведущие позиции на рынке, а капиталистические фабрики фактически прекратили свое существование в результате высокого налогообложения, не распространявшегося на кооперативные производства. Здесь мы ясно видим критическое отношение Чайнова к индустриальной форме организации производ-

ства, которую он непосредственно связывал с капитализмом. Но и социализм, как антитеза капитализма, не является для Чайнова желаемой формой государственного устройства. Чайнов рассматривает его как рожденного “в застенках германской фабрики”, основанной на лишенной индивидуализма подневольной работе городского пролетариата, который перенес свою идеологию наемничества в основы будущего строя и создал экономическую систему, в которой все были исполнителями и только единицы обладали правом творчества. Промышленный капитализм Чайнов характеризует как “болезненный уродливый припадок”, поразивший обрабатывающую промышленность в силу особенностей ее природы, а вовсе не этап в развитии всего народного хозяйства. Абсолютно неприемлемым для Чайнова является и отношение этой системы к крестьянству. “Социалисты мыслили крестьянство, как протоматерию, ибо обладали экономическим опытом только в пределах обрабатываемой индустрии и могли мыслить только в понятиях и формах своего органического опыта”¹⁰, - пишет он.

Анализируя модель развития российской экономики в чайновской “Утопии”, следует отметить, что вопросы возможного развития технологий подробно не разработаны, это связано с неоконченностью произведения и чайновским неприятием капиталистического производства. Отсюда в повести достаточно фантастично выглядят элементы высокой технологии: желая защитить свой социальный проект от внешних сил, Чайнов размещает на границах крестьянского государства чудо-технику - “метеорофоры”, сметающие чудовищными смерчами аэропланы противника. Но вряд ли такой “хай-тек” мог быть создан только силами крестьянской кооперации.

Частная инициатива капиталистического типа все-таки существует в “Утопии” в тех областях, где бессильны коллективно управляемые предприятия, и в тех случаях, где организаторский гений развитием техники преодолевает сверхвысокое налогообложение. Ее даже не стремятся ликвидировать, ибо считается “необходимым сохранить для товарищей кооператоров некоторую угрозу постоянной конкуренции и тем спасти их от технического застоя”¹¹.

В целом экономика в “Утопии” выстроена следующим образом:

- основу составляют крестьянские хозяйства, большей частью связанные в кооперативные объединения;

⁸ Чайнов А.В. Путешествие. С. 95-96.

⁹ Здесь Чайнов прямо противоречит знаменитому выводу К. Маркса об “идиотизме сельской жизни”.

¹⁰ Чайнов А.В. Путешествие. С. 98.

¹¹ Там же. С. 99 - 100.

- также существуют “остаточный капитализм” с высоким налогообложением и кооперативная промышленность;

- лесные, нефтяные и каменноугольные предприятия принадлежат государству, которое контролирует энергоресурсы;

- товарооборот в подавляющей части находится в руках кооперации;

- государственное финансирование складывается из ренты предприятий, применяющих наемный труд, а также из косвенных налогов. Они, как убежден Чайанов, хороши тем, что освобождают плательщика от необходимости отчитываться перед государственной властью. Кроме того, они являются прогрессивно-подходящими - структура потребления каждого социального слоя общества хорошо изучена, поэтому налогами облагаются не продукты первой необходимости, а то, что служит “элементом достатка”. Причем разрыв в средних доходах у разных социальных групп невелик.

В результате экономика в “Утопии” Чайанова обходится без “языческих аксессуаров”, т.е. устаревших методов управления с помощью принуждения и подчинения. В такой модели мы видим уже частично реализованные элементы “смешанной экономики”, “скандинавской” и “китайской” моделей.

Город. В чайановской модели важнейшую роль играет идея дезурбанизации. Оставаясь столицей государства, Москва представляет не перегруженный людьми и машинами мегаполис, а гармонично организованный узел социальных и коммуникативных связей. Она преобразована в утопающее в садах городское образование, в котором официальное звание города носит только историческая территория в пределах Бульварного кольца. Доминирующим элементом застройки в Москве являются гостиницы, а временные затраты на посещение города компенсируются высокоорганизованной транспортной системой.

Подчеркнем, что показанная в повести трансформация Москвы не является чисто умозрительной идеей. Чайанов хорошо знал предмет своего описания, являясь активным членом общества “Старая Москва”, куда входили ученые, художники, театральные работники, писатели. Им были исследованы и изложены в ряде публикаций опыты построения топографии Москвы XIII - XVII вв., вызвавшие восторженный отзыв художника А.М.Васнецова. В связи с этим, например, отказ от небоскребов, которые в повести деконструированы как нефункциональные строения, в реальной современной практике организации города (2000-е гг.) является предметом активного обсуждения.

Исторические личности в “Утопии”. Выстраивая предпочтительную социально-экономическую модель, Чайанов очерчивает круг своих идейных авторитетов и помещает в “Утопии” реальные исторические личности, чья деятельность могла бы сформировать подобное общество. Так, главным героем повествования в будущем обществе фактически выведен сын (о чем говорят его фамилия и отчество) близкого друга и сподвижника Чайанова *Александра Никифоровича Минина* (1881 - 1939) - экономиста-аграрника, агронома, деятеля кооперативного движения. Упоминаются и другие личные друзья Чайанова - *Екатерина Дмитриевна Кускова* (1869 - 1958), один из лидеров “экономизма”; *Семен Леонтьевич Маслов* (1873 - 1943) - экономист-аграрник, правый эсер, последний министр земледелия Временного правительства; *Николай Павлович Макаров* (1887 - 1980), с которым Чайанов работал в Лыноцентре, университете А.Л.Шанявского, Наркомземе, Тимирязевской академии. Макаров - один из немногих участников организационно-производственного направления, переживший сталинские репрессии. Из собственно профессиональных ученых-экономистов, не относившихся к организационно-производственной школе, Чайанов называет только *Сергея Николаевича Прокоповича* (1871 - 1955) - публициста и крупного деятеля либерального направления. Лично знал Чайанов и других крупных либералов: *Павла Николаевича Милюкова* (1859 - 1943) - историка и политического деятеля, и *Павла Ивановича Новгородцева* (1866 - 1924) - правоведа, социолога, философа, писателя и публициста, главу московской школы философии права. В чайановской “Утопии” издаются работы *Давида Борисовича Рязанова (Гольдендаха)* (1870 - 1938) - известного деятеля социал-демократического движения; *Василия Владимировича Шера* (1883 - ?) - политика и хозяйственного деятеля. Стоит ли говорить о том, что большинство указанных исторических личностей подверглись репрессиям и погибли, как и сам А.В. Чайанов, который был расстрелян 3 октября 1937 г.

В “Утопии” достигается тот социальный консенсус в исторической оценке построения нового общества, о котором только еще мечтают в XXI в. Об этом говорит увековечение на будущем памятнике “Великой революции” вместе с уже названными Милюковым, Прокоповичем, Масловым, предпринимателем А.И.Коноваловым, председателем Временного правительства Керенским и большевиков: Ленина, Рыкова, наркома земледелия С.П. Середы.

Анализ чайановского “Путешествия в страну крестьянской утопии”, несмотря на кажущуюся

“с высоты” сегодняшнего положения некоторую наивность в понимании исторических и экономических закономерностей развития общества, тем не менее, раскрывает перед нами исторические основания для реальной возможности существования иной модели развития российской экономики в XX в. Эта модель видится нам более справедливой, как и считал сам Чаянов, чем та, которая реализовалась на практике в течение 70 лет Советской власти, и чем та, которая получила развитие в реальной истории России на сегодняшний день.

Чаянов написал свою утопию фактически как интеллектуальное противодействие разворачивающемуся на его глазах стремительному формированию антиутопии, уничтожающей не только крестьянство, но и возможность альтернативно-

го мышления, основы гражданского общества и многие другие социальные и культурные ценности, разрушение которых лежит в основе большинства проблем современной России.

Утопию Чаянова можно критиковать с высоты современного опыта. Однако мы должны быть благодарны ему за то, что он оставил для потомков имена и убеждения современников, память о которых стирали из русской истории в продолжение более чем трех поколений, и создал редчайшее, а может быть и единственное, в русской литературе произведение, в котором перед читателем предстает свободное, успешное и талантливое крестьянское сообщество, тогда как доминирующие теории и концепции рассматривали крестьянство в основном как гумус истории.

Поступила в редакцию 07.09.2009 г.